

UDC 316.3

DOI: 1606-951X.2016.1.2121

ГАРОЛЬД А. ИННИС

СОВА МИНЕРВЫ*

Аннотация: В статье Г.А. Инниса, одного из основоположников исследований медиа и медиа-экологии, рассматривается влияние технологических изменений в средствах коммуникации на культуру, политическую и экономическую организацию, религию, идеологию, знание. Автор прослеживает это влияние от древности до современности, от возникновения таких медиа, как письмо и алфавит, до новейших изменений в технологиях массовых коммуникаций.

Abstract: This paper of H.A. Innis, one of the founders of media studies and media-ecology, is focused on the influence of technological changes in media of communication on culture, political and economic organization, religion, ideology and knowledge. The author traces such influences from antiquity to modernity, from emergence of such media as writing and alphabet to contemporary developments in technology of mass communication.

Ключевые слова: коммуникация, технология, медиа, культура, сила, письмо, книгопечатание, монополия знания.

Keywords: communication, technology, media, culture, force, writing, printing, monopoly of knowledge.

«Сова Минервы вылетает только с наступлением сумерек...» Так писал Г. Гегель, имея в виду кристаллизацию культуры, достигнутую в величайших классических сочинениях эпохи, увидевшей закат и падение греческой цивилизации. Богатство этой культуры, ее уникальность и ее влияние на историю Запада наводят на мысль о том, что этот полет начался не только для сумерек греческой цивилизации, но и для цивилизации Запада.

Я попытался предположить, что на западную цивилизацию оказывала глубокое влияние коммуникация и что заметные изменения в коммуникациях имели для нее важные последствия. Коротко говоря, это обращение поделено в соответствии со средствами коммуникации на следующие периоды: глина, стило и клинопись от рождения цивилизации в Месопотамии; папирус, кисть, иероглифическое и иератическое письмо до греко-римского периода, а также тростниковое перо и алфавит до ухода Империи с запада; пергамент и перо до X в. или тёмных веков; параллельное использование бумаги и возрастание важности последней с изобретением книгопечатания; бумага и кисть в Китае и бумага с пером в Европе до изобретения книгопечатания, или Ренессанса; бумага и печатный пресс с ручными методами печати до на-

* Президентское обращение к Королевскому обществу Канады (1947). Перевод сделан по изданию: Innis H.A. *Minerva's Owl* // Idem. *The Bias of Communication*. Toronto: University of Toronto Press, 1951. – P. 3-32. Текст публикуется в редакции переводчика.

чала XIX в., или от Реформации до Французской революции; машинное производство бумаги и применение энергии к печатному прессу с начала XIX в. до изготовления бумаги из дерева во второй половине XIX в.; появление киноплёнки и рост кинематографа; и, наконец, радио во второй четверти нашего столетия. В каждом из этих периодов я пытался проследить следствия соответствующих средств коммуникации для характера знания и показать, что монополия или олигополия знания выстраивается до тех пор, пока не происходит нарушение равновесия.

Устная традиция (см. прим. 1) предполагает свежесть и эластичность, но антропологами отмечается связывающий характер обычая в примитивных культурах. Сложная система письма становится собственностью особого класса и тяготеет к поддержке аристократий. Простая гибкая система письма допускает адаптацию к простонародной речи, но медленность адаптации благоприятствует монополиям на знание и иерархиям. Чтение, в отличие от письма, предполагает пассивное признание могущества письма. Изобретения в коммуникации побуждают к перестройкам в монополии или олигополии знания. Монополия на знание, сопутствующая специализированному умению писать, ослабляющему контакт с простонародной речью, будет в конечном счете низвергнута силой.

По словам Д. Юма, «так как *сила* всегда на стороне управляемых, то правители в качестве своей опоры не имеют ничего, кроме мнения. Поэтому правление основывается только на мнении; и это правило распространяется как на самые деспотические и диктаторские системы правления, так и на самые свободные и демократические» (см. прим. 2). Связь монополий на знание с организованной силой ясно обнаруживается в политической и военной истории цивилизации. Интерес к образованности предполагает стабильное общество, в котором организованная сила обладает достаточной мощью, чтобы обеспечить устойчивую защиту. Сосредоточение на учёности подразумевает письменную традицию и привносит в культуру монополистические элементы, сопряженные с ригидностью и заключающие в себе отсутствие контакта с устной традицией и простонародной речью. «Пожалуй, в самом реальном смысле всякая великая институция есть могила отца-основателя». «Большинство организаций оказываются объединениями, основанными для безболезненного уничтожения идей основоположников». «Все можно простить основателю школы, кроме самой школы» (см. прим. 3). Это изменение сопровождается ослаблением связей между организованной силой и простонародной речью, и коллапсом перед лицом технологического изменения, происходящего в маргинальных регионах, избежавших влияния монополии знания. Когда в 267 г.н.э. готы захватили Афины, они, как нам сообщают, сказали: «Оставим грекам их книги, ведь они делают их такими изнеженными и невоинственными».

С ослаблением защиты, предоставляемой организованной силой, ученые прилагают больше усилий, и в каком-то смысле наступает расцвет культуры, предшествующий ее катастрофе. Сова Минервы начинает свой полет в сгущающихся сумерках не только из классической Греции, но и, когда приходит черед, из Александрии, из Рима, из Константинополя, из республиканских городов Италии, из Франции, из Голландии и из Германии. О Византийской империи говорилось, что «накануне всеобщего падения... вся Эллада собирала умственную энергию, чтобы засветиться последним блеском» (см. прим. 4). «...гибнущее государство XIV и XV веков и, по преимуществу, Константинополь являлись центром живой и высокой культуры, умствен-

ной и художественной» (см. прим. 5). В тех регионах, в которые держит путь сова Минервы, успех организованной силы может дать развиваться новому энтузиазму и интенсивному расцвету культуры вместе с миграцией ученых, втянутых в Геркулесовы усилия увядающей цивилизации, в новый ареал с возможностями защиты. Успех организованной силы зависит от действенного сочетания устной традиции и просторечья в общественном мнении с технологией и наукой. Организованное общественное мнение, следующее за успехом силы, становится восприимчивым к культурным привнесениям.

Дж. Буркхардт писал: «Может быть и так, что эти великие произведения искусства должны были исчезнуть, чтобы позднейшее искусство могло свободно творить. Например, если бы в XV в. вдруг нашли большое число хорошо сохранившихся греческих скульптур и картин, то Леонардо, Рафаэль, Тициан и Корреджо не сделали бы того, что они сделали, хотя и могли на свой манер выдержать сравнение с тем, что было унаследовано от Рима. А если бы после середины XVIII в. на волне полного энтузиазма возрождения филологических штудий и исследований древности внезапно были заново открыты потерянные греческие лирические поэты, то это вполне могло бы погубить полнокровный расцвет немецкой поэзии. Правда, спустя несколько десятилетий корпус заново открытой древней поэзии был бы ассимилирован ею, но решающий момент расцвета, никогда не возвращающийся во всем великолепии, был бы безвозвратно потерян. Между тем в XV в. в искусстве, а в XVIII в. в поэзии сохранилось достаточно много такого, что могло быть стимулировано, но не задушено» (см. прим. 6).

Давид Юм писал, что *«с того момента, когда искусство и науки достигают совершенства в каком-либо государстве, они естественным или, скорее, необходимым образом приходят в упадок и редко или никогда не возрождаются в той стране, где они ранее процветали...* Возможно, никакой нации не следует заимствовать из соседних стран слишком совершенные произведения искусства, ибо это не пойдет ей на пользу. Это сводит на нет соревнование и снижает рвение благородной молодежи» (см. прим. 7).

Зависимость от глины в долинах Евфрата и Тигра предполагала особую технику письма и особый тип инструмента — тростниковое стило. Клинопись на глине подразумевала развитое мастерство, интенсивное обучение и сосредоточение на долговечных записях. Храмы с их жречествами стали центрами городов. Вторжения силы, основанной на новых техниках, главным образом выстроенных вокруг лошади — сначала запряженной в колесницу, а затем представленной в виде конницы, — принесли союз городов-государств, однако культура, основанная на интенсивной подготовке к письму, делала централизованный контроль нестабильным и давала необычайное влияние организованной религии. Возникло право, призванное сдерживать влияние силы и религии. Влияние религии в Вавилонской и Ассирийской империях явило себя также в развитии астрономии, астрологии и веры в судьбу, в семидневной неделе и в нашей шестидесятичной временной системе. С доминированием силы пришли успешные имперские организации. В Египте она была представлена фараоном, хотя Египетская империя зависела в своих коммуникациях от клинописи. Затем последовали Ассирийская и Персидская империи, империя Александра Македонского, Римская империя.

Хотя политические организации восточных империй строились по египетскому образцу, на религиозную организацию оказала могущественное влияние Вавилония.

Наглядным свидетельством этого были традиции евреев на пограничной территории Палестины. С получением доступа к более удобным средствам, таким, как пергамент и папирус, и к более эффективному алфавиту, еврейские пророки дали толчок развитию устной и письменной традиции, сохранившейся в священных писаниях иудейской, христианской и магометанской религий. Письменные тексты обрели большую доступность и освободились от бремени храмов Вавилонской и Ассирийской империй.

Египтяне, имевшие в изобилии папирус и пользовавшиеся кистью, разработали сложную систему письма; у вавилонян же, зависящих от глины и стилоса, получила развитие экономичная система письма. Семитские народы заимствовали шумерскую систему письма, но сохранили свой язык и, в свою очередь, усовершенствовали систему письма через контакты с египтянами. Финикийцы как периферийный семитский народ, проявлявший интерес к коммуникации и торговле в Средиземноморье, улучшили алфавит, обособив относительно звуков отдельные согласные. Греки переняли этот алфавит и сделали его гибким инструментом, приспособленным к требованиям гибкой устной традиции, создав слова. Расцвет устной традиции проявил себя в предсмотрении публичного чтения «Илиады» и «Одиссеи» на Панафинейх и в рождении трагедии после 500 г. до н.э.

Сильный и устойчивый интерес широкого круга ученых к греческой цивилизации указал на многочисленные факторы, ведшие к ее культурному расцвету. Ионийская культура отразила контакт энергичного народа с более ранней богатой минойской цивилизацией и возникновение могучей устной традиции. Эта традиция вобрала в себя и усовершенствовала инструменты письменной традиции, созданные по другую сторону Средиземного моря. А. Дж. Тойнби подчеркнул ограниченность морской миграции и значимость этого ограничения для культурных заимствований.

В письменной традиции улучшенный алфавит сделал возможным выражение тонких различий и мельчайших оттенков смысла. Открытие египетских портов для греков в 670 г. до н.э. и учреждение Навкратиса около 650 г. до н.э. сделали более доступным папирус. Взлёт греческой лирической поэзии в VII в. до н.э. приписывают распространению дешевого папируса. Вернер Йегер показал значимость прозы для права и города-государства. Гибкость права, демонстрируемая важнейшими реформами, выстроенными вокруг таких имен, как Драконт, Солон и Клисфен, была возможна лишь до того, как прочно утвердилась письменная традиция. Письменные кодексы не только предполагали единообразие, правосудие и веру в законы, но и несли с собой элемент ригидности и необходимость революций и кардинальных изменений. Не развивалось ни единого эффективного средства, которое бы способствовало плавным переходам власти, и, как в сегодняшней России, существенную роль играл остракизм. Законы ослабили интерес к наказанию в ином мире тех, кто избежал правосудия в этом. Солон отразил требования устной традиции, нуждавшейся в гибкости, обеспечив учреждение судов самими людьми, а Клисфен дал всей совокупности граждан решающую роль в управлении человеческими делами. Высшей среди всех практических наук стала политическая наука. Политической свободе сопутствовала свобода экономическая, особенно с распространением использования монет после 700 г. до н.э. Приведем слова О. Мирабо: «Двумя величайшими изобретениями человеческого духа являются письмо и деньги — общий язык интеллекта и общий язык корыстного интереса».

Вторжение из централизованных империй Востока, совершившееся через персов, привело к бегству ионийцев — унаследовавших в наибольшем объеме наследие прежних цивилизаций — из Милета и к рождению интереса к науке и философии в Афинах. Ионийцы развили великую идею всеобщности права, отделили науку от теологии и избавили Грецию от тирании религии. «Я» было отделено от внешнего объекта. С этим пришли ограничения, усиленные интересом к музыке и геометрии, предполагавшим озабоченность формой и мерой, пропорцией и числом при пренебрежении к связям между самими вещами. Несмотря на это пренебрежение, произошло обращение к атомизму и науке, благодаря чему европейцы выделили себя из формальных паттернов Востока. В 404-403 гг. до н.э. ионийский алфавит был принят в Афинах, что предполагало потребность города в большей стандартизации письма. К середине IV в. до н.э. была доведена до совершенства проза, и Платон высказался за ее верховенство как собственными сочинениями, так и изгнанием поэтов из идеального города. Когда в 454 г. до н.э. Афины стали центром федерации, открылся путь к большей гибкости в праве, особенно благодаря вкладу ораторов в облагораживание прозы с 420 по 320 г. до н.э. К 430 г. до н.э. в Афинах возникла читающая публика, а Геродот перевел свои рассказы в книжную форму. Распространение письма сдерживало развитие мифов и сделало греков скептически настроенным по отношению к их богам. Гекатей Милетский мог говорить: «Я пишу это так, как мне представляется истинным, ибо рассказы эллинов многообразны и смехотворны, как мне кажется» (см. прим. 8). А Ксенофан: «Если быки, или львы, или кони имели бы руки, или руками могли рисовать и ваять, как и люди, боги тогда б у коней с конями схожими были, а у быков непременно быков бы имели обличье» (см. прим. 9). Быстрое расширение многообразия и объема светской литературы стало уздой для жречества и ритуала.

Сократ протестовал против материалистического дрейфа в физике и переключился с поиска начал на поиск целей. Сосредоточив внимание на человеческой жизни, он открыл душу. Полное самодовление души означало управление самим собой. Добродетель — это знание. «Никто не ошибается добровольно». После падения Афин и смерти Сократа Платон отвернулся от государства. На Сократа оказало глубокое влияние развитие медицинской науки, Платон же уделял экспериментальной науке мало внимания. Вслед за коллапсом города-государства и религии, связанной с городом-государством, пришел сознательный индивидуализм. Результаты наглядно проявились в сложности, разнообразии и совершенстве широкого круга культурных достижений. Значимость устной традиции была явлена в важности народных собраний, росте демократии, драме, диалогах Платона, а также речах, в том числе надгробной речи Перикла, сохранившейся в сочинениях Фукидида. Г. Гегель писал о Перикле: «Из всего человечески великого господство над волею людей, обладающих волей, представляет собою самое великое» (см. прим. 10). Греки создали единственную целиком оригинальную литературу в Европе. Эпика и лирика стали опорой драмы. Демократия принесла с собой комедию Аристофана. Поэтика и драма оказали совокупное очистительное воздействие на общество, но с упадком сценического искусства ораторское искусство и риторика стали отражать влияние индивида.

Устная традиция выносила на передний план память и тренировку. Мы не полагаем историей разговора или устной традиции, разве что в их смутном выражении через письменное или печатное слово. Драма отражала мощь устной традиции, но ее всего лишь кратковременный расцвет в Греции и в Англии иллюстрирует ее

трудности. Упрощенный и гибкий алфавит и распространение письма и чтения вывели на передний план логику и, как следствие, общее согласие. Распространение письма расширило базу, на которой могло осуществляться отслеживание способностей. Феодальная иерархия Греции была ослаблена акцентом на письме, ставшем своего рода тестом на интеллект. Эпоха письма была, в сущности, эгоистической эпохой. Уход всех сил на овладение техникой письма оставлял мало возможности для размышлений о следствиях этой техники.

Богатство устной традиции обеспечивало гибкую цивилизацию, но не такую, которую можно было дисциплинировать до уровня действенного политического единства. Город-государство оказался неадекватен в области международных дел. Поэтому он уступил силе в лице македонян, хотя гений греческой цивилизации вновь явил себя в блестящих завоеваниях Александра. Тяжелая пехота Греции и военно-морской флот не могли тягаться с легкой пехотой и кавалерией, внезапно наносившими удары с тыла. Был нанесен первый из великих сокрушительных ударов технологии, которыми сила и просторечный язык привели монополии знания в тягучую и ковку форму. Империя Александра и эллинистические царства помогли организовать Александрию как культурному центру Средиземноморья.

Аристотель устранил разрыв между городом-государством и империей Александра. Он отверг дуализм Платона и утвердил абсолютную монархию духа. Он отмечал переход от «устного наставления к привычке чтения». С таким упором на письмо бессмертная незавершенность Платона не была уже возможной. Говорят, что преподаваемое право — строгое право; точно так же и преподаваемая философия — это строгая философия. Смещение устной и письменной традиций в сочинениях Платона позволило ему возобладать в истории Запада. В интересе же Аристотеля к эстетике отразились изменения, принесшие дилетантизм, вкус, респектабельность, страсть к собирательству и большие библиотеки. Как имперский центр, Александрия акцентировала письменную традицию в библиотеках и музеях. Учеными овладела забота о сохранении и прояснении трактатов ушедшей цивилизации. Сова Минервы уже летела в полную силу. Другие имперские центры, такие как Пергам (197-159 гг. до н.э.), стали соперничать в развитии библиотек и использовании пергамента вместо папируса. Настал период, когда большая книга стала рассматриваться как большое зло. Книги писались для тех, кто прочитал все существующие книги, и вряд ли были понятны тем, кто этого не сделал. Литература отделилась от жизни. По словам Гилберта Мюррея, Гомер в александрийскую эпоху подпал под «фатальное очарование ложного знания, разносимого печатным текстом». Александрия разрушила связку между наукой и философией. Библиотека была имперским инструментом, который должен был уравновесить влияние египетского жречества. Были сведены воедино достижения греков в математике, работа Аристотеля как великого биолога была продолжена и расширена.

Письмо с помощью упрощенного алфавита сдерживало власть обычая устной традиции, но предполагало упадок выразительности и создание русел, определявших направления мысли для читателей и последующих авторов. Громоздкость свитков папируса и его плохая сохранность способствовали ревизии письма и ограничили его влияние — по крайней мере, до тех пор, пока при имперской системе не были организованы библиотеки. У Греции было преимущество сильной устной традиции и сосредоточенности на одном языке. Обладая прочной патриархальной струк-

турой европейских народов, она сопротивлялась могуществу, с одной стороны, вавилонского жречества и вавилонских богинь, с другой стороны — египетской монархии, нашедшей отражение в пирамидах.

Подобно тому, как греки впитали прежнюю культуру и адаптировали ее к своему языку, латиняне впитали этрусскую культуру. Поглощающая способность языка была важна в истории Греции, Рима и Англии. Контакт языка с предшествующей развитой культурой без полного растворения в ней предполагал бегство от более тонких и неуловимых аспектов этой культуры. В Греции он содействовал росту философии и науки в противовес религии. Цивилизация Греции акцентировала единство подхода, Рим в свою очередь усвоил риторику и исключил науку. На Востоке персидская и арабская литература исключила влияние греческой литературы, но усвоила науку. Всепроникновение языка становится мощным фактором мобилизации силы, особенно как средства распространения мнения среди всех классов. Язык, отзываясь на воздействия крупных вторжений, становился более гибким, облегчал перемещения между классами, благоприятствовал распространению технологии и обеспечивал быстрое приспособление.

Римская сила поддержала в 146 г. до н.э. расширение Республики до Карфагена и Коринфа; за этим в свою очередь последовало эллинистическое культурное вторжение Рима. Включение Египта в его владения расширило расщелину, через которую в Рим проникали восточные влияния. Собранная и отредактированная в Александрии греческая литература оказала огромное влияние на Рим. Римская литература была «пересилена крайне обособленной и внутренне совершенной греческой литературой». Греческий стал языком образованности и подавил возможности латыни. Доступ к запасам папируса повлек рост библиотек и административных должностей. Эллинистическая цивилизация скривила развитие Рима в сторону акцентирования силы, администрации и права. Хотя Цицерон и внес свою лепту в совершенство латинской прозы, он следовал образцу, установленному Исократом. Когда Республику сменила Империя, на сенат и устную традицию были наложены ограничения. Затухание политической активности в силу цензуры означало возрастание важности права и риторики. Литература знания отделилась от литературы формы, ставшей в конце концов панегириком. Ораторское искусство и история были подчинены государству, театр замещен гладиаторскими играми. «Юриспруденция, и только юриспруденция, встала на место поэзии и истории, философии и науки» (см. прим. 11). Интерес к греческому языку в Риме остановил литературу и акцентировал интерес на кодификации права.

Распространение милитаризма предполагало акцент не на личных, а на территориальных интересах. Оно означало индивидуальное самоутверждение и временное скидывание обычных ограничений. Кровная связь и господство группы над индивидом не подходили для боевой эффективности римского легиона. Протяженность Римской империи, в противоположность городу-государству, обуславливала необходимость письменного права как средства обуздания притязаний силы. Развитие профессионального класса юристов, особенно с упадком Республики и сената, и отделение судебной власти от законодательной и исполнительной были ознаменованы систематическим развитием права, ослабившим могущество *patria potestas*. Сила и право ослабили патриархальную систему. Семейные отношения стали создаваться искусственно, и относительно этого развития Мэн написал, что «нет ничего, чему

человечество, на мой взгляд, было бы более глубоко обязанным». Правовое обязательство было отделено от религиозного долга. Из передачи собственности развился договор, и, как пакт вкупе с обязательством, он был, опять же по словам Мэна, «самым прекрасным памятником прозорливости римских юрисконсультов». Громоздкие церемонии устной традиции были вытеснены письменным свидетельством и письменными инструментами.

О римском праве говорилось, что нерушимость материи — ничто по сравнению с несокрушимостью духа. Хотя римское право было гибким в отношении требований средиземноморской торговли, в руках судей и лекторов оно начало ужесточаться под влиянием греческих ученых и комментаторов и в конце концов было подчинено сложным кодексам. «Только когда у людей возникает жажда, они задумываются о создании резервуаров, и было замечено, что законы Рима никогда не сводились в систему, пока в нем не иссякли добродетель и вкус» (см. прим. 12). Папирус и свиток ограничивали возможности кодификации римского права.

Растущая ригидность права и нарастающее влияние Востока, явившие себя в появлении абсолютного императора, открыли путь проникновению восточных религий. Политическое животное Аристотеля стало индивидом Александра. Римская архитектура, римские дороги и римское право способствовали привлекательности, доступности и престижу Рима. Идущая из Александрии традиция науки и образованности предполагала не только изучение греческой классики, но и изучение и перевод еврейских священных книг. Древнееврейская литература возникла в народе, который был погран армиями восточных империй и в периоды порабощений подвергся влиянию прежде всего персидской религии с ее представлениями о бессмертии души и дьяволе. Право и пророки были инкорпорированы в священные тексты. Под влиянием монотеизма писания стали сакральными. Письменная библия предполагала монотеизм, доктрину и жречество. «Нет книги — нет учения; нет учения — нет книги» (Де Куинси).

Языческим культурам недоставало акта благодарения и акта исповеди. Греция и Рим как политеистические культуры поддерживали империи. Библии не были пригодны для империй. Греческая философия была представлена учителем, а восточные религии — жрецами и пророками. «Так сказал Господь». Зенон-стоик привнес эту ноту в греческую философию, и ее влияние ясно проявилось в принятии стоицизма в римском праве. «Изгнание евреев и крах Греции принесли с собой христианство и стоицизм. Все великие идеализмы явно произрастают на почве поражения материализма» (см. прим. 13).

Развитие Империи и римского права отражало нужду в институтах, которые соответствовали бы подъему индивидуализма и космополитизма, последовавшему за крахом полиса и города-государства. Римская империя открыла дорогу бурному росту ассоциаций и распространению религиозных культов. Возникла организованная религия, призванная оберегать от чувства единения, предполагаемого греческой цивилизацией. Относительно негибкий алфавит, такой как еврейский, и ограниченные возможности коммуникации ограничивали задачу образования небольшой хорошо обученной группой, или особым классом. Его способности были очевидны, достаточно взглянуть на литературные достижения Ветхого Завета. Опасности же ясно проявились в трудности сохранения контакта с изменениями в устном языке. Говорили люди на арамейском языке, а древнееврейский стал языком образованных. Хри-

стианство спасла от превращения в иудейскую секту необходимость обращения к разговорному греческому. «Написано... но говорю вам». Новый Завет был написан на разговорном греческом.

Христианство пользовалось преимуществами новой техники и нового материала. На смену папирусу и свитку пришли пергамент и кодекс. Кодекс на пергаменте был долговечнее, компактнее, к нему было легче обращаться за справками. Четыре Евангелия и Деяния апостолов могли быть помещены либо в четыре отдельных свитка, либо в один свод. Удобство обращения за справками усилило позиции свода в пользовании священными писаниями и правовыми кодексами. Свод, соединивший в себе долговечность пергамента и легкость обращения за справками, подчеркивал размер и авторитет книги. Стихи и проза, читавшиеся до 3-4 вв. вслух и в компании, пришли в упадок. Чтение без движения губ привнесло собственные вкус и стиль. Древний мир тревожился о звуках, современный мир — о мыслях. Интерес к группе был вытеснен эгоизмом. Евангельский корпус могущественных связных текстов, написанных на греческом разговорном языке, возник как основа Нового Завета к 125 г. н.э. и составил вместе с Ветхим Заветом огромный том, ставший главенствующим центром интереса в обучении.

Давление варваров с севера привело к поиску более безопасной столицы, нежели Рим, к выбору Константинополя в 330 г. и к падению Рима в 410 г. Двор оказался отрезанным от центра правового развития и обратился к организованной религии как новой основе поддержки. Христианство, основанное на книге — Ветхом и Новом Заветах, — впитывало или отвергало другие религии, такие как митраизм, и открыло себя для сотрудничества с государством. На Востоке восстановилось ориентальное понятие империи, развившееся в Египте, Вавилонии, Ассирии и Персии. На Западе право сдерживало влияние христианства, а на Востоке, особенно после кодекса Юстиниана, — влияние абсолютного императора. Прочитаем еще раз Мэна: «Именно потому, что становится могущественным влияние юриспруденции, основание Константинополя и последующее отделение Западной империи от Восточной являются эпохами в философской истории». «Из предметов, возбуждающих интеллектуальный аппетит у современных авторов, вряд ли найдется хотя бы один, за исключением физики, который не прошел бы через сито римской юриспруденции» (см. прим. 14). Не будучи ровней греческой метафизической литературе, латинский язык перенял ее почти без вопросов. Проблема свободной воли и необходимости возникла с римским правом.

Римская империя не смогла справиться с разделительными эффектами греческого и латинского языков. Неспособность впитать греческую культуру видна в перемещении столицы в Константинополь и в живучести греческого языка и культуры, поддерживаемых Византийской империей до 1453 г. В Риме греческий язык исчез под давлением разговорной речи — так же, как латинский в Константинополе. Алфавит оказался очень гибким и очень легко адаптируемым к языку. Язык же оказался более неподатливым, чем сила, и история Запада была отчасти адаптацией силы к языку. Богатство греческой цивилизации, баланс между религией, правом и императором, характерный для Византийской империи, позволили ей устоять перед последствиями новых разработок в применении силы.

Уильям Риджуэй показал значимость скрещивания легкой ливийской лошади с коренастой азиатской лошадью в развитии животного, достаточно сильного для пе-

реноски вооруженных людей, и, в свою очередь, кавалерии. Чарльз Оман описал поражение, понесенное в 378 г. императором Валентом у Адрианополя от тяжелой готской кавалерии, реорганизацию армий Византийской империи, поражение варваров вслед за этой реорганизацией и переключение варваров, встретивших успешный отпор на Востоке, на покорение Запада. Возможность опереться на дороги в Римской империи, как и в Персидской империи, способствовала администрации и вторжению. На Западе перед лицом варварского вторжения иерархия Римской империи стала в значительной степени церковной иерархией. Монархии в Восточной империи соответствовала монархия Западного папства. На Востоке позиция императора и его контроль над государством увенчались религиозным расколом и ересью, в то время как на Западе положение папства увенчалось политическим расколом.

Церковный раскол на Востоке ослабил политическую власть тем, что ереси, усиленные регионализмом, принесли потерю Египта и других частей Византийской империи в противостоянии с магометанами. С фанатизмом новой религии, основанной на книге — Коране, — с полигамией, открытием новых территорий для многочисленных народов и расколом христианства произошло распространение магометанства на восток и на запад. Потерпев поражение у Константинополя в 677 г., его последователи сосредоточились на Западе, пока не были остановлены в 732 г. Карлом Мартеллом. И опять же, если сослаться на Риджуэя, более тяжелые гибридные лошади франков нанесли поражение более легкой кавалерии магометан. Военное давление со стороны Испании принесло рост централизации, достигший своего пика в фигуре Карла Великого и возвышении германских императоров. «Без ислама Франкской империи, вероятно, никогда бы не существовало; Карл Великий без Магомета был бы немислим» (Пиренн). В 800 г. Византийской империей правила императрица, Ирина, а акцентирование мужской линии на Западе усилило позиции Карла Великого, коронованного папским престолом. За новой империей на Западе последовало Каролингское Возрождение.

Положение императора на Востоке привело к столкновению с монашеством, иконоборческим спорам и отделению Восточной церкви от Западной. На Западе монашество, мало чем сдерживаемое, акцентировало в церкви влияние безбрачия и латыни. На Востоке монашество поставили под контроль, на Западе же оно упрочило свои позиции настолько, что борьба между церковью и государством оказывала могущественное влияние на политическую историю вплоть до нашего столетия. Могуществу монашества на Западе способствовала монополия знания, последовавшая за отсечением Запада магометанами от поставок папируса из Египта. «Средиземное море было Римским озером; теперь оно стало по большей части Мусульманским озером» (Пиренн). На Востоке Юстиниан закрыл в 529 г. последнюю из афинских школ, а в Константинополе были открыты новые центры обучения; на Западе же интерес к классическим штудиям не одобрялся монашеской традицией учености, заложенной в Италии. Монастыри были сосредоточены на священных текстах и трудах Отцов Церкви. Классика была вытеснена писаниями. Искоренение учености в Испании магометанами и ограниченный интерес к учености в Европе означали, что восторженный интерес к знанию сохранялся лишь в одном, причем самом дальнем регионе Европы, а именно в Ирландии, и именно оттуда интерес к учености вернулся потом назад — сначала в Шотландию и Англию, затем в континентальную Европу. Алкуин прибыл для усиления положения знания при Карле Великом с севера Анг-

лии. Возобновившийся интерес к познанию принес усовершенствование письма, явленное в каролингском минускуле. Эффективность его была очевидна: он распространился по всей Европе, в итоге одержал верх над беневентанским письмом на юге Италии и обеспечил образцы для современного алфавита.

Распространение учености с Британских островов на континент предшествовало вторжениям скандинавов с севера. Давление с этой стороны проявилось в возникновении в 911 г. герцогства Нормандского, а также в реорганизации европейской обороны. К XI в. вторжения викингов и мадяров закрепили военное превосходство за кавалерией и феодальными рыцарями. Культурная неподатливость языка проявила себя в покорении завоеванных, в принятии норманнами французского языка в Нормандии и, со временем, английского языка в Англии. За военной реорганизацией в Европе, подъемом папства и расколом Восточной и Западной церквей в 1054 г. последовали крестовые походы, норманнское завоевание Апулии и Сицилии после 1061 г. и Англии в 1066 г., изгнание мавров из Испании. Энергии Запада обратились против магометан в Святой Земле и против раскольнической церкви Византийской империи. Взятие Константинополя в 1204 г. было началом конца Восточной Римской империи.

Упадок в использовании папируса, особенно после распространения магометанства, сделал необходимым использование пергамента. Кодекс был подходящим для большой книги, будь то римское право или древнееврейские писания. В Византийской империи была предпринята череда кодификаций римского права. Цезарепапизм и иконоборческие споры предполагали контроль императора над церковью. На Западе право варваров было личным, а церковь делала упор на писания и сочинения Отцов Церкви. Для греков знание, особенно знание того, что мы ничего не знаем, есть добродетель, у еврейских пророков же — возможно, в противовес монополии на знание, которой обладали писцы в Египте и Вавилонии, — знание есть зло. Акцент на авторитете священных писаний и трудов Отцов Церкви на Западе дополняли церемониал и аллегорические сочинения. Метр классической поэзии был замещен ударением и рифмой. Чтение означало подчинение авторитету.

Но задолго до этого влияние греческой культуры просачивалось через персидскую и арабскую цивилизацию на юге в Испанию, Сицилию и Европу. Этот процесс был ускорен новым средством, а именно — бумагой из Китая. Изобретение в Китае уже в начале II в.н.э. изготовления бумаги из ткани, адаптация кисточки, используемой в живописи, к письму и изготовление туши из ламповой сажи ознаменовали зарождение письменной традиции и образованного класса. В китайском языке сохранилось пиктографическое, или фигурное письмо, хотя большинство иероглифов были фонетическими. При ограниченном числе слов (около 1500) это письмо использовалось с необычайным мастерством и служило медиумом для большого многообразия устных языков. Меж тем его сложность вывела на передний план важность ученого класса, ограниченное влияние общественного мнения и инертность политических и религиозных институтов. Важность конфуцианства, классики и культура письменного слова привела к изобретению инструментов точного воспроизведения. Пренебрежение к массам ускорило распространение буддизма и развитие системы быстрого повторения, особенно заклинаний. Буддизм проник из Индии, где в ущерб письменной традиции процветала устная традиция браминов, оказавшаяся единственно адаптируемой к нуждам неграмотного населения. Печать появилась из запросов буддиз-

ма, с его обращением к массам, и конфуцианства, с его интересом к классике, или литературе образованных. Сложность иероглифов сделала необходимым развитие ксилографии, и воспроизведение классики зависело от масштабной государственной поддержки. Первая печатная книга датируется 868 г.н.э. Суровые ограничения, наложенные на общественное мнение, предполагали длинную череду смут, проявившуюся в свержении династий и монгольских завоеваниях, однако живучесть устной традиции придавала необычайную силу китайским институтам и ученым.

За экспансией магометанства и захватом арабами Туркестана в 751 г. последовало проникновение бумаги на Запад. Ее производили в Багдаде, и ее внедрение совпало с литературным великолепием правления Гаруна аль-Рашида (786-809 гг.). К середине IX в. она использовалась в Египте, затем в X в. быстро распространялась, в XI в. пережила резкий упадок, а в XII в. уже производилась в Испании и в XIII – в Италии. К концу XIV в. цена бумаги в Италии упала до 1/6 от цены пергамента. Основным дешевым сырьем в ее производстве было льняное тряпье. По словам Генри Галлама, бумага принесла «революцию... высокой важности, без которой искусство письма практиковалось бы гораздо меньше, а изобретение печати принесло бы меньше пользы человечеству». Она «позволила заменить старый дорогой материал, посредством которого передавалась мысль, универсальным материалом, призванным ускорить распространение трудов человеческого ума». При монополии на папирус и бумагу магометане поддерживали интерес к библиотекам и распространению греческой классики, особенно Аристотеля и науки. Запрет на изображения людей в магометанской религии благоприятствовал акценту на учености. Из испанских библиотек знание Аристотеля распространилось в Европу и оказало важное воздействие на труды Альберта Великого и св. Фомы Аквинского. Арабские цифры и знание математики и астрономии, науки и медицины проложили себе путь через Сицилию и Испанию в Европу. Письмо вышло за пределы монастырских стен, и в XII в. было предпринято несколько атак на церковную коррупцию. Вернер Зомбарт подчеркивал важность арабских цифр для распространения точных расчетов, роста бизнеса и коммерческой революции 1275-1325 гг. В XIII в. появилась скоропись, или рукописное курсивное письмо. Экспансия торговли способствовала развитию светских школ, а закрытие монастырей для студентов-мирян повысило важность соборных школ и университетов. На смену сельскому интересу к монастырям пришел городской интерес к университетам. Знание архитектуры, импортированное из Константинополя, и приспособление зданий к северным условиям принесли за собой волну строительства готических соборов (1150-1250). Вместе с соборами пришли усовершенствования в разных искусствах, таких как изготовление витражных стекол и контрапунктическая музыка. Около 1170 г. был открыт Парижский университет, ставший как старейший университет моделью для позднейших учреждений.

Распространение бумаги из Китая ускорило рост торговли в Италии и северной Европе. Бумага служила опорой для выхода письма за пределы монастырей. Она была средством для распространения через магометанскую территорию в Европу греческой науки, арабских цифр и более эффективных расчетов. Через арабов стал доступен Аристотель, и попытки примирить его сочинения со священными писаниями были очевидны в трудах Маймонида и св. Фомы Аквинского. В соборных центрах родились университеты, ставшие опорой интереса к устной традиции, диалектике и схоластике. Византийская империя как баланс между папством и империей исчезла,

оставив их разрушать друг друга. Папство втянулось в проблемы территориальных прав. В результате «вавилонского пленения» в Авиньоне папство навлекло на себя противостояние Англии. Папство уже не могло сдерживать распространение переводов Священного Писания на народные языки, а распространение римского права из Византийской империи укрепило новые монархии во Франции и Англии. Сосредоточение на народном языке породило новую могущественную литературу.

Торговая активность в Италии подразумевала возрождение интереса к праву. Варварские вторжения предполагали акцент на личном праве, и через посредство этого римское право сохранилось в модифицированной форме. В начале XII в. в Болонье обострился интерес к изучению римского права и возник студенческий тип университета. На Западе вслед за ослаблением Византийской империи развернулась борьба между церковью и империей, и последняя уцепилась за римское право как за могущественный инструмент, с помощью которого можно было укрепить позиции императора. Влияние римского права просочилось в Италию и южную Францию и наглядно явилось в развитии канонического права в церкви. «Худшая порча средних веков кроется в превращении священнической иерархии в иерархию юристов» (Гастингс Рэшдалл). По словам Фредерика Харрисона, «особой, неоченимой услугой византийской литературы было сохранение языка, филологии и археологии Греции». Но, возможно, ни в какой области она не пользовалась таким огромным влиянием, как в области римского права.

Севернее, где традиции римских муниципалитетов и римского права были слабы, сила церкви проявила себя в Парижском университете. Во Франции и особенно в Англии слабость письменной традиции благотворно сказывалась на сохранении положения обычая и обычного права. Право было заложено, а не создано, и следствия этого были очевидны в системе суда присяжных, Королевском суде, обычном праве и парламенте. В Англии право и религия не были усилены университетами; последние располагались не в столице и не в соборных городах. Право и религия были отзывчивы к требованиям устной традиции. Гибкость английского языка, обусловленная последовательным вторжением языков из Европы, благоприятствовала обычному праву, парламентским институтам и торговле. В Шотландии университеты были, как правило, городскими и, располагаясь в крупных городах, стали опорой для бурного развития философии в XVIII в. Многообразие типов университетов и географическая обособленность дали основу для разнообразия интересов, характеризовавшего интеллектуальную деятельность в Европе. Растущая сила простонародных наречий ослабила позиции Парижского университета. Францисканцы в Оксфорде возродили интерес к Платону, в противоположность интересу парижских доминиканцев к Аристотелю. Церковные соборы утратили действенность, и монархия пап стала ближе к абсолютной. Верховенство обета безбрачия способствовало сосредоточению власти в Риме, не допускало установления священнических династий и благоприятствовало устойчивому приоритету интеллектуальных способностей. Концентрация власти в Риме ускорила развитие Галликанской церкви.

В Европе подъем торговли, городов и университетов принес конфликт между монашеством и мирским духовенством, а также между церковью и государством, особенно в сфере контроля над образованием. Внедрение бумаги и распространение письма ускорили рост народных языков и упадок латыни. Контроль церкви был не способен сдержать устную традицию и распространение ересей, последовавшее за

ростом торговли и ослаблением Византийской империи. Между тем церковь предприняла свою первую контрреформацию. В письме 1199 г. папа Иннокентий III неодобрительно пенял на переводы священных писаний, говоря, что «святые таинства веры, следовательно, не должны объясняться всем людям во всех местах». Перевод и мирское чтение Нового Завета вальденсами и взлет романтической поэзии в Провансе — вероятно, под влиянием магометан и Византийской империи, — были безжалостно искоренены.

Учреждение новых орденов — доминиканцев и францисканцев — и Инквизиции было призвано сдерживать распространение ереси, сопутствовавшее появлению переводов на народные языки и устных дискуссий в университетах. Новые суды в Европе были усилены юристами и стряпчими, использовавшими народный язык. Данте писал, что «это наша истинная первая речь. Однако я не говорю “наша” так, будто есть и другая речь кроме человеческой; ибо из всех существ речью одарен один только человек... И ввиду того, что проходить более знакомыми путями надежнее и короче, мы будем исходить лишь из нашего собственного языка, оставив в стороне другие». «Так как нам не известно, чтобы кто-нибудь раньше нас излагал учение о народном красноречии, а таковое именно красноречие, мы видим, совершенно необходимо всем, потому что им стремятся овладеть не только мужчины, но даже женщины и дети, поскольку оно им по природе доступно, то... мы, по внушению Слова с небес, попытаемся помочь речи простых людей» (см. прим. 15). Могущество народного языка отчетливо проявилось в росте национализма и возвышении университетов, особенно в Германии. Перевод Библии лоллардов, сделанный Уиклифом, и его влияние на Гуса в Богемии показали крушение власти церкви на внешних рубежах Европы.

Противостоя влиянию Парижского университета и его интересу к соборам, папство предпочло учреждение университетов в Германии и в Испании. Республиканские города Италии, особенно Венеция и Флоренция, достигли процветания с упадком византийской торговли и королевского дома Гогенштауфенов. Миграция греческих ученых с Востока внесла вклад в усиление интереса к классической цивилизации. Флоренция благодаря своей заботе о литературе и искусствах стала вторыми Афинами. Образованность отступила в Византийской империи, но засияла новым светом в итальянском Возрождении. Жизненность греческой классики, отражавшая могущество цивилизации, основанной на устной традиции, постепенно ослабила монополию на знание, которой обладала церковь. «В современном мире не движется ничего, что не имело бы греческого происхождения» (Мэн).

По мере того как предубеждение против бумаги как продукта евреев и арабов разрушалось с распространением торговли, усиливалось положение пергамента как средства передачи священных текстов и классики. Продукт копииста и миниатюриста вырос в ценности. Монополия манускрипта и его высокая цена повысили интерес к развитию техники репродукции в ареалах, в которых копиист имел ограниченный контроль, а именно в Германии. Использование масла в живописи и дополнение ее тушью, развитие сплава, который мог плавиться при низких температурах и сохранять постоянный размер при изменениях температуры, рост мастерства в вырезании штампов, изобретение гибких пресс-форм и адаптация пресса были сведены в единую систему, составив основу книгопечатания. Производство большого тома, такого как Библия, предполагало существенную концентрацию капитала и непрерывный выпуск книг. Ограниченные транспортные возможности и ограниченный

рынок для книг ускорили миграцию печатников прежде всего в Италию — регион с обильными запасами бумаги, товара, адаптированного к печатному прессу.

Миграция на новые рынки вынудила к принятию новых шрифтов. Готический жирный шрифт, характерный для книгопечатания в Германии, был заменен в Италии романским шрифтом. Спротивление копиистов задержало распространение книгопечатания во Франции, но, возможно, это помогло художественному развитию французского шрифта. Спрос типографий на рукописи и необходимость создания новых рынков благоприятствовали вовлечению в производство классики на греческом, использованию более компактного шрифта для меньших по размеру томов, печатаемых курсивом, а также акценту на народных языках. Техника печати пересекла воды Английского канала, и Кекстон, отвечая на состояние рынка, сосредоточился на английском языке и избегал печатать для этого застойного рынка книги на классических языках.

Необычайный рост производства и многообразия книг и непрерывный поиск рынков ускорили возвышение издателя, акцент на коммерции в ущерб типографу и пренебрежение к мастерству. Когда благодаря печати было обеспечено предложение манускриптов на пергаменте, выстраивавшееся на протяжении веков, постепенно обучились производить материал писатели, пишущие на народных языках. Но они едва ли были компетентны создавать большие книги и были вынуждены писать спорные памфлеты, которые можно было быстро издать и распространить на больших территориях, обеспечив быстрый оборот. Издателя интересовали прибыли. Гибкость европейского алфавита и ограниченное число букв, образующих бесконечное множество комбинаций, способствовали развитию множества издательств и мобилизации рынка на товар, который можно было адаптировать к самым разным потребителям. Знание было не только диверсифицировано, но еще и приноровлено издателем к расширению собственного рынка, особенно в использовании рекламы.

Монопольное положение Библии и латинского языка в церкви было разрушено печатью, и вместо этого развились широко раскинувшийся рынок для Библии на народных языках и забота о ее точной интерпретации. Как говорил Джефферсон, «печатники никогда не могут оставить нас в состоянии совершенного покоя и единства мнения». По словам Виктора Гюго, книга разрушила «древний готический гений, это солнце, закатившееся за гигантский печатный станок Майнца» (см. прим. 16). Зодчество, бывшее на протяжении шести тысячелетий «величайшей книгой рода человеческого», утратило свое верховенство. Примечательно, что книгопечатание быстрее всего распространилось в тех регионах Европы, в которых не главенствовали соборы и в которых был наиболее очевиден политический раскол: в Италии и в Германии.

В Италии, с ее доступом к Константинополю, акцент делался на классику; в Германии же акцент делался сначала на большие теологические трактаты, а затем, когда производство переместилось в Лейпциг, — на небольшие полемические публикации, характерные для сочинений Лютера и его последователей времен Реформации, и на Библию на верхненемецком диалекте. «Рост и удивительный прогресс этой смелой секты [лютеран] будет отчасти справедливо приписать позднему изобретению книгопечатания и возрождению образования». «Книги Лютера и его сектантов, полные страсти, напыщенности и грубого красноречия, расходились быстрее и в больших количествах» (см. прим. 17). «Одно из первых последствий книгопечатания состояло

в том, что благородные люди стали смотреть на образование как на испорченное доступностью для простого народа» (Саути).

В условиях бумажной революции церкви пришлось мобилизовать свои ресурсы на контратаку; особенно это проявилось в Триентском соборе и в учреждении Ордена иезуитов. В Италии могущество права и церкви и раскол между республиками сдерживали распространение Реформации и породили Макиавелли. Он писал: «...мы, итальянцы, обязаны церкви и священникам прежде всего тем, что остались без религии и погрязли во зле. Но мы обязаны им еще и гораздо большим, и сие — вторая причина нашей гибели. Церковь держала и держит нашу страну раздробленной» (см. прим. 18). Во Франции ограниченное влияние греческого и господство латыни благоприятствовали всплеску литературной деятельности на народном языке в лице Монтеня и Рабле. В условиях подавления протестантизма Этьенн и Кальвин бежали в Женеву; к концу XVI в. великие ученые Франции перебрались в Голландию. В Германии политический раскол положил основу жестоким религиозным войнам XVII в. В Англии с ослаблением итальянских финансистов одержали верх аргументы Уильяма Оккама и Уиклифа. Слабость церкви, монашества и университетов позволила короне порвать с папством. Подъем издательской индустрии имел следствием технологическую безработицу, проявившуюся отчасти в упадке монашества.

В провале Контрреформации отразилось влияние силы. Развитие индустриализма, интерес к науке и математике и подъем городов привели к использованию пороха и артиллерии. Применение артиллерии для разрушения оборонительных сооружений Константинополя в 1453 г. было ярким свидетельством упадка кавалерии и систем обороны, характерных для феодализма. Орудия нападения стали более могущественными, чем орудия обороны, и децентрализация все более уступала дорогу централизации. В горном регионе Швейцарии и на низменностях Нидерландов ограниченные возможности кавалерии были очевидны, и это проявилось в успехе движений за независимость в этих регионах. Военный гений Кромвеля и Густава Адольфа в использовании новых инструментов войны обеспечили прочные позиции протестантизму в Англии и Германии.

Изменение в характере силы сопровождалось революцией в финансах. В Италии независимые республики продолжали традиции Рима, делая упор на муниципальных институтах. Важность обороны при постройке городских стен обусловила необходимость развития муниципального кредита и ответственности граждан за долги муниципальной единицы. В борьбе Нидерландов против Испании этот принцип был расширен, и республика стала инструментом кредитования. В Англии верховенство парламента в 1689 г. предвестило дальнейшее развитие, и признание роли общественных долгов проявилось в учреждении в 1694 г. Банка Англии. Расширение принципа корпоративного единства, идущего из римского права, столкнулось в конце концов с традициями обычного права в бунте американских колоний в XVIII в. Рост государственного кредитования повысил важность информации, организованных новостных служб и мнения. В Антверпене, Амстердаме и Лондоне появились биржи. Важность мнения в связи с финансами акцентировала значимость народного языка.

Последствия Контрреформации во Франции проявились в подавлении книгопечатания, в Варфоломеевской ночи 1572 г. и, наконец, в отмене Нантского эдикта в 1685 г. Подавление книгопечатания в ответ на церковные требования сопровождалось интересом к росту производства и экспорта бумаги государством. В результате

этого конфликта между ограничением потребления и ростом производства и экспорта образовались запасы более дешевой бумаги в Нидерландах, Женеве и странах, где книгопечатание оставалось свободным. Из этих сопредельных ареалов печатные материалы возвращались контрабандой во Францию. Свобода печати в граничащих с Францией свободных странах поддерживалась подавлением ее во Франции. В XVIII в. ускользание от цензуры проявилось в подготовке и издании «Энциклопедии» и сочинений Вольтера и Руссо.

Отмена монастырей и celibата в Церкви Англии, реформа образования в первой половине XVI в., цензура печати во второй половине того же века имели следствием расцвет драмы в пьесах Шекспира. Ослабление монархии при Стюартах сопровождалось публикацией Библии короля Якова и прозы Мильтона, а также резким упадком театра. Влияние Библии проявилось в разделении церкви и государства, провозглашенном пуританами. В этом присутствовало признание столкновения письменной и устной традиции: последняя воспроизводилась в парламенте и обычном праве, а первая — в Священном Писании. В эпоху Реставрации Драйден поддерживал интересы двора, а после революции 1689 г. и прекращения действия в 1694 г. закона о лицензировании запросы политических партий отозвались эхом в сочинениях Аддисона, Стила, Свифта, Дефо и др. Приостановка печати принесла с собой новостные письма и дебаты в кофейнях. Возрождение классики Драйденом и Поупом было прелюдией к финансовой независимости Поупа, Джонсона и Голдсмита. Ограничительные меры Уолпола и растущая важность рекламы как источника доходов для газет направили интерес писателей на компиляции, детские книги и романы, а интерес читателей — на библиотеки с выдачей книг на дом. Положение церкви при верховенстве парламента и конституционной монархии способствовало росту деизма, с одной стороны, и методизма — с другой.

В колониях книги ввозились в широких масштабах книгопродавцами из Англии и Европы, и колониальный издатель обратил свой взор на газеты. В XVIII в. энергичный стиль письма в лондонских газетах накануне их подавления Уолполом и после успеха Уилкса и других в обеспечении права на публикацию парламентских дебатов стал образцом для колониальных журналистов. Печатная индустрия пересекла воды Атлантики, изменив свой характер. Выдающаяся роль газеты в Американской революции признана в первой статье Билля о правах. Параллельно движению за ограничение прессы в Англии с помощью налогов в конце XVIII — начала XIX вв. происходило утверждение свободы печати в Соединенных Штатах. Результаты проявились в быстром разрастании экспорта тряпья из Италии в Соединенные Штаты.

От изобретения книгопечатания до начала XIX в. изготовление бумаги и производство печатного слова были ручными процессами. Изобретение бумагоделательной машины и внедрение механического пресса означали революцию в расширении коммуникационных возможностей. В Англии налоги на бумагу и рекламу благоприятствовали вплоть до середины века монополии «The Times», а за отменой к 1861 г. этих налогов последовал быстрый рост числа газет, их тиражей и спроса на сырье. В Соединенных Штатах запросы большого числа газет способствовали внедрению быстрой печати, распространению рекламы, таким изобретениям, как телеграф, кабель и линотип, а также быстрому переходу от тряпья к древесине как источнику сырья. Английские авторы, такие как Диккенс, подчеркивали важность сентиментальности и сенсационности, отчасти под воздействием требований нового читающего класса

и американского рынка. «Диккенс вводит детей в свои истории, чтобы иметь возможность убить их для замедления музыки» (Дж.М. Барри). Американские авторы, лишенные защиты авторских прав, обратились к журналистике.

Артемус Уорд утверждал, что «Шекспир писал хорошие пьесы, но он бы не справился с работой вашингтонского корреспондента какой-нибудь нью-йоркской ежедневной газеты. Ему просто не хватило бы для этого безрассудной фантазии и воображения». Масштабы распространения газеты в Соединенных Штатах имели своим последствием подъем новой журналистики в Великобритании, особенно после войны в Южной Африке. Херст, Пулитцер, Скриппс, Нортклифф и Бивербрук стали главенствующими фигурами. В Соединенных Штатах политические амбиции журналистов сдерживала конкуренция, в Англии — выдвижение кандидатов в Палату лордов, в Канаде — степень доктора права. В XX в. могущество английских журналистов наглядно проявилось в ограничениях, наложенных через государственную собственность на радио, а ограничение могущества американских журналистов в США явилось в эффективном использовании радио Франклином Делано Рузвельтом.

В англосаксонских странах влияние передовых прорывов в технологии, в русле которого Херст и Пулитцер из Сан-Франциско и Сент-Луиса ввели революционные изменения в Нью-Йорке, а Дж.Г. Беннетт-младший и Уайтло Рейд ускорили революционные перемены в Великобритании и Европе, предполагало нерегулярный интерес к коммуникации и образованию со стороны правительств. Расширение избирательного права и проблемы военной организации с ее требованиями к техническому знанию и обучению внесли вклад в совершенствование почты и расширение обязательного образования. В Европе доминирование книги означало менее быстрый рост газет и ограничения для них в целом в таких странах, как Германия, Италия и Россия, и для персональной и политической журналистики во Франции. Неравномерность развития коммуникационных средств вынесла на передний план трудности понимания. Улучшения в коммуникации, как в ирландской байке о мосте, разъединяющем две страны, лишь усугубили эти трудности. Кабель вызвал сжатие языка и способствовал быстрому росту разрыва между английским и американскими языками. В обширной области художественной литературы в англосаксонском мире влияние газеты и таких недавних новшеств, как кино и радио, проявилось в бестселлере и создании особых классов читателей с малой вероятностью коммуникации между ними. Издатели требуют великих имен и великих книг, особенно если не возникает проблем с копирайтом. Масштабная механизация знания характеризуется несовершенной конкуренцией и активным созданием монополий в языке, блокирующих понимание и стимулирующих обращение к силе.

Я попытался показать, что, по словам Марка Паттисона, «писатели склонны льстить себе, будто они не являются, в отличие от людей действительности, рабами обстоятельств. Они думают, что могут писать что и когда пожелают. Но это не так. Что бы мы ни думали и какие бы схемы ни строили, как только мы пытаемся донести наши мысли или схемы до других людей, мы сразу втягиваемся в те же необходимости компромисса, те же желобки движения, те же подверженности неудачам и полумерам, которым подчинены в жизни и действии» (см. прим. 19). Последствия открытия книгопечатания проявились в диких религиозных войнах XVI-XVII вв. Применение энергии к области коммуникационных индустрий способствовало консолидации народных языков, подъему национализма, революциям и новым вспышкам дикости в XX

в. До изобретения книгопечатания важность латыни и утечка умственных сил, обусловленная двойственностью языка, наглядно запечатлелись в проблемах схоластической философии. После изобретения книгопечатания интерес к классике в Италии и во Франции, и к Библии в протестантских странах расколол Западный мир.

Примирить иудейство и эллинизм оказалось так же трудно, как Аристотеля с Платоном. Римское право и классика в Италии и кафедральные соборы во Франции сдерживали влияние Библии, а во Франции вывели на авансцену интерес к литературе. В Германии влияние Библии укрепило власть государства и благоприятствовало росту музыки и литературы, независимой от политической жизни. В Англии раскол между короной, парламентом, правом, университетами и торговлей сдерживал воцарение единых интересов, но благоприятствовал посредственности во всем, кроме финансов и торговли. В Англии монашество внесло свою лепту в сдерживание развития образования и книгопечатания, но усилило позиции народного языка до такой степени, что насилие выплеснулось в разрушение монастырей в XVI в., гражданскую войну в XVII в. и Американскую революцию в XVIII в.

В свободных странах Европы возрождение классики и запрос на логику со стороны печати имели следствием могущественное влияние математики на философию у Р. Декарта и на политическую науку у Т. Гоббса. После 1800 г. приложение энергии к коммуникационным индустриям ускорило распространение обязательного образования и подъем газеты и обострило интерес к народным языкам, национализму и романтизму. Механизованная коммуникация разделила разум и эмоцию и вынесла на передний план последнюю. Печать ознаменовала первую стадию в распространении Промышленной Революции. «Влияние страсти на всякие собрания людей возрастает тем больше, чем они многочисленнее, и оно сильнее, чем влияние разума» (Дж. Скарлетт). Ее все больше заботили проблема распределения благ и реклама. Ее ограниченность наглядно проявилась в падении книги до уровня престижной рекламы, в замещении архитектуры небоскребом и храмом торговли, в упрощении орфографии и семантики. Эрнст Кассирер, немецкий ученый в изгнании, описал чеканщиков слов как мастеров искусства политической пропаганды. *Nazi-Deutsch*, толковый словарь современного немецкого языка, включал длинный список слов, которые, как он выяснил, невозможно адекватно перевести на английский. В результате внедрения новых слов в поддержку гитлеровско-фашистского мифа он уже не понимал немецкий язык.

Со времени вылета из Константинополя сова Минервы в своем полете по Западу лишь ненадолго находила покой. Она перелетела из Италии во Францию, Нидерланды, Германию, после Французской революции — назад во Францию и Англию и, наконец, в Соединенные Штаты. Эти спешные и неясные перелеты оставили ей мало сил и сделали открытой для нападения множества врагов. Как говорилось в «Парнасских пьесах» (см. прим. 20):

*И пусть ученый скромн даже в пище,
Он до скончанья дней пребудет нищим.
Ученость с бедностью в обнимочку идут.*

Или, как говорит о том же Джонсон (см. прим. 21):

*Сколь бед полны ученых закрома:
Труд, зависть, нищета, патрон, тюрьма.*

Промышленная Революция и механизированное знание почти уничтожили влияние ученого. Сила больше не заботится о его защите и активно втянута в схемы его

сокрушения. Необычайные усовершенствования в коммуникации сделали более трудным понимание. Даже наука, математика и музыка как последние прибежища западного духа подпали под чары механизированного жаргона (*vernacular*). Коммерциализм потребовал создания новых монополий в языке и новых трудностей в понимании. Даже классовая борьба — борьба между языковыми группами — стала языковой монополией. Когда «Манифест Коммунистической партии» провозгласил: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять кроме своих цепей», — в этих словах он выковал новые цепи.

Я попытался показать, что внезапные расширения коммуникации находят отражение в культурных пертурбациях. Использование глины благоприятствовало доминирующей роли храмов с акцентом на жречестве и религии. Библиотеки в Вавилоне и Ниневии были построены для укрепления могущества монархии. Папирус благоприятствовал развитию политической организации в Египте. Папирус и упрощенная алфавитная форма письма поддержали рост демократической организации, литературы и философии в Греции. После Александра вернулись империи с центрами в Александрии и других местах, а библиотеки продолжали оставаться источниками силы для монархий. Рим расширил политическую организацию Греции своим упором на право и, в конечном счете, империю. За основанием новой столицы в Константинополе последовала имперская организация восточного образца, особенно после официального признания христианства. Совершенствование шрифтов и более широкое распространение знания позволили евреям выжить благодаря акценту на священных писаниях и книге. Христианство, в свою очередь, воспользовалось преимуществами пергамента и кодекса в Библии. Имея доступ к бумаге, магометане в Багдаде, а позже в Испании и Сицилии обеспечили средство для передачи греческой науки Западнему миру. Греческая наука и бумага, поощряя писать на народном языке, вбили клин между мирской и духовной властью и разрушили Священную Римскую империю.

Падение Константинополя означало стимулирование греческой литературы и философии так же, как упадок магометанства означал стимул для науки. Книгопечатание принесло возрождение акцента на книге и подъем Реформации. В свою очередь новые методы коммуникации ослабили культ книги и открыли дорогу новым идеологиям. Монополии или олигополии знания выстраивались в связи с требованиями силы главным образом с оборонительной стороны, но усовершенствованная технология укрепила позиции силы в наступлении и вынудила к преобразованиям, благоприятным для народного языка. Культурные пертурбации сопровождаются периодами, когда сила занимает важное место; за ними приходят периоды спокойствия, когда порядок устанавливается правом. За смутами македонских и римских войн последовал рост римского права, за концом варварских вторжений — возрождение римского права, за окончанием религиозных войн — развитие международного права при Гроции, а за концом нынешних идеологических войн — поиск новой основы международного права.

Наверное, можно закончить здесь призывом внимательно отнестись к роли устной традиции как основы возрождения действенной живой дискуссии, а также призывом к университетам должным образом оценить тот факт, что учителя и студенты все еще живы и человечны. Как говорил судья Холмс, «подвергать сомнению собственные основные принципы — признак цивилизованного человека». Однако этот же мудрый человек в деле Абрамса против Соединенных Штатов заявил, что «луч-

ший критерий истины — это способность мысли добиться своего принятия в рыночной конкуренции», без должной оценки того, что монополия и олигополия проявляются на этом рынке так же, как и на других.

Примечания

1. Innis H.A. Communications and Archaeology // Canadian Journal of Economics and Political Science. 1951. Vol. 17, N 2. P. 237-240.
2. Цит. в пер. Е.С. Лагутина по изданию: Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 503-504. — *Прим. пер.*
3. Guillard A. Literature and Society. Boston: Lothrop, Lee and Shepard Company, 1935. P. 286.
4. Цит. по: Vasiliev A.A. History of the Byzantine Empire, II / University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History, no. 14. Madison: The University of Wisconsin Press, 1929. P. 401.
5. Ibid. P. 400.
6. Burckhardt J. Force and Freedom. N.Y.: Pantheon Books Inc., 1943. P. 268-369.
7. Hume D. Essays, Moral, Political and Literary / Ed. by T.H. Green and T.H. Grose. L.: Longmans, 1875. Vol. 1. P. 195-196. Цит. в пер. Е.С. Лагутина по изданию: Юм Д. Указ. соч. Т. 2. С. 558-559. — *Прим. пер.*
8. Цит. в пер. И.Е. Сурикова по изданию: Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 14. — *Прим. пер.*
9. Пер. Ф. Петровского. — *Прим. пер.*
10. Цит. в пер. Б. Столпнера по изданию: Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая // Сочинения. Т. IX. М.: Партийное издательство, 1932. С. 285. — *Прим. пер.*
11. Maine H.S. Ancient Law. L.: John Murray. 1906. P. 352.
12. Constable T. Archibald Constable and His Literary Correspondents. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1823. Vol. I. P. 261.
13. Flewelling R.T. The Survival of Western Culture. N.Y.: Harper and Brothers, 1943. P. 26.
14. Maine H.S. Op. cit. P. 351-352.
15. Выдержки из «De vulgari eloquentia» («О народном красноречии») Данте. Цит. по: Hall V., Jr. Renaissance Literary Criticism. N.Y.: Columbia University Press, 1945. P. 16-17. Здесь приводятся в пер. И.Н. Голенищева-Кутузова.
16. Цитата из романа В. Пюго «Собор Парижской богородицы» (книга 5, глава 2). Приводится в пер. Ю.П. Померанцевой. — *Прим. пер.*
17. Hume D. The History of England: Under the House of Tudor. L.: Printed for A. Millar, in the Strand, 1759. Vol. 1. P. 121.
18. Цитата из «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» (глава XII) приводится в пер. Р. Хлодовского. — *Прим. пер.*
19. Pattison M. Isaac Casaubon (1559-1614). L.: Longmans, Green & Co., 1875. P. 383.
20. Цитируются строки из «Паломничества на Парнас» (1598), первой из «Парнасских пьес». Перевод мой. — *Прим. пер.*
21. Цитируются строки из сатиры «Тщета человеческих желаний» Сэмюэла Джонсона (1749). Перевод мой. — *Прим. пер.*

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 22.03.16 г.